

Чжун Минчжу не беспокоилась, что застрянет здесь навсегда. В Секте Тяньи во время празднеств и церемоний всегда пересчитывали учеников. Меньше чем через несколько месяцев, больше чем через несколько лет её обязательно бы заметили. Но до того времени ей нужно было подумать, как выжить.

Она не хотела годами питаться дикими плодами. Мирские говорят, что бессмертные пьют росу и едят ветер, возвышаясь над суетой, но она всё ещё не могла отказаться от удовольствия вкусно поесть.

Кроме того, хижину тоже следовало отремонтировать.

Разве это место пригодно для жизни? Если уж быть таким аскетом, то зачем вообще строить дом? Можно было просто найти пещеру. А с ростом уровня культивации и пещера не понадобится. Как говорится: «Сердце устремлено к Дао, и ни дождь, ни ветер не страшны».

Весь вечер она размышляла о будущем: еде, одежде, жилье и передвижении. Время от времени ругала старшего У, а порой задевала и Чан Ли.

— Знала, что этот учитель ненадёжный, но не думала, что настолько!

Если бы эти слова услышали поклонники Чан Ли, на её теле непременно появилось бы несколько новых ран.

Сейчас единственное, что могло её порадовать, — это несколько банок приправ и кухонная утварь в её кольце-хранилище.

После истории с подставой от Нань Сычу, чтобы избежать повторения ситуации, когда приходилось дни напролёт питаться одними дикими плодами, она сложила всё это в кольцо-хранилище. Ведь места оно не занимало, и если она снова окажется в лесу, то хотя бы не будет мучиться от голода.

Решив это, на следующее утро она с самого раннего часа принялась за работу.

Справиться с трёхразовым питанием было легко, а вот ремонт жилья оказался сложнее. Её уровень культивации был невысок, поэтому делала она понемногу. Каждый день медитировала по два часа, а остальное время тратила на обустройство жилища.

Сегодня рубила бамбук, завтра резала камень, да ещё и потратила уйму времени, чтобы выдолбить каменный котёл.

От такой занятости скучать не приходилось.

Разумеется, мечом она не тренировалась ни капли.

Когда Чан Ли вернулась, бамбуковый двор изменился до неузнаваемости. Если бы не яркие иероглифы «Чунмин» у входа, она бы решила, что ошиблась местом. Хотя она и не придавала значения внешним вещам, это было место, где она жила с детства, а потому отличалось от всего остального. Одного взгляда хватило, чтобы заметить все перемены.

Бамбуковый павильон на севере остался таким же, как и прежде. А вот в остальном от прежнего вида почти ничего не осталось.

Хижина у озера превратилась в целый ряд строений, юго-восточный угол ныне стал цветником,

где пышно цвели травы и цветы. Подземный канал направлял воду из озера в пруд посреди двора, листья лотоса нежно покачивались на его поверхности, а несколько рыб лениво грелись на солнышке у самой кромки. Рядом с прудом раскинулась небольшая бамбуковая роща — туда перенесли бамбук из самого двора. Перед рощей стояли каменный стол и два каменных стула.

Чжун Минчжу сидела на одном из стульев. На столе красовались два блюда, суп, тарелка с десертом и один комплект посуды. Она держала кролика за ухо и что-то бормотала ему.

— Кролик, а ты можешь в человека превратиться? Если можешь — не съем.

Только что произнеся это, она заметила белое одеяние у входа, тут же отпустила зверька, приподняла бровь и усмехнулась с налётом раздражения.

— Бессмертная Чан Ли, оказывается, ещё помнит, что здесь кто-то есть? — Её слова так и сыпали искрами.

Последние три месяца прошли вполне комфортно. Хотя многое она делала впервые, оказалась на удивление ловкой и сообразительной. Всё, за что ни бралась, получалось легко — будь то пересадка растений или строительство. Коврик, сшитый из шкур добытых ею зверей, даже выглядел изящнее тех, что продавались в лавках у подножия горы.

Обнаружив в себе такой талант, она не раз возносила себя до небес, но это не мешало ей бесчисленное количество раз поносить Чан Ли. И вот теперь, увидев ту, что бросила её здесь на три месяца без единого взгляда, она, естественно, почувствовала, как в груди закипает гнев.

Особенно бесило, что Чан Ли вернулась именно в этот момент.

Она только вчера закончила обустроиваться, сегодня впервые приготовила себе полноценную трапезу, ещё ни кусочка не успела попробовать — а та уже стоит у входа. Чжун Минчжу даже начало казаться, будто та специально высчитала этот миг.

Чан Ли опустила глаза. Мысли завертелись в голове, но как реагировать — она не знала. Сейчас она помнила, что здесь кто-то есть, но за те три месяца, что её не было, она и вправду забыла. Если разобраться, это действительно было её упущением. Взяв нефритовую табличку Чжун Минчжу у Юнь И, она навестила своего учителя.

Её тело было особенным, и, за исключением нескольких тренировок с мечом в детстве, большую часть времени она проводила в медитации. Путь её совершенствования сильно отличался от пути прочих мечников, что оттачивали мастерство в боях. Она понимала, что её метод не подходит Чжун Минчжу, потому специально отправилась к учителю спросить, как следует наставлять ученицу.

У Хуэй лишь сказал, что наставничество — тоже часть практики, и ей надлежит постичь это самостоятельно, а затем завёл разговор о мечах. Они обменялись одним ударом. Чан Ли долго продержалась, но в конце концов потерпела поражение. И лишь собираясь уходить, осознала, что прошло уже три месяца.

Она и с людьми-то редко говорила, откуда ж ей было знать, что Чан Минчжу сейчас высказывает претензии? Подумав немного, она ответила честно:

— Раньше не помнила. Сейчас помню.

Чжун Минчжу рассмеялась от злости.

Она всегда слыла умной и находчивой, на одно замечание могла парировать тремя, но, услышав слова Чан Ли, и вправду онемела. «Раньше не помнила, сейчас помню» — как вообще можно так говорить?

Затем Чан Ли подошла, достала из кольца-хранилища свёрток и сказала:

— Это твоя табличка личности и одежда внутреннего ученика, а также подарок от старшего брата Юнь для принятой в ученицы. — Взгляд её скользнул по посуде перед Чжун Минчжу, и она добавила:

— Церемонию надлежит провести в главном зале. Я пойду туда и буду ждать.

Видимо, изначально она хотела, чтобы Чжун Минчжу пошла с ней, но, увидев, что та ещё не закончила, передумала.

Чжун Минчжу снова удивилась. «Похоже, она хочет, чтобы предыдущие события просто канули в лету. Нельзя, так нельзя», — промелькнуло у неё в голове. И она сказала:

— Я только что не спрашивала, помнишь ты или нет.

Чан Ли взглянула на неё и произнесла:

— Угу.

Чжун Минчжу фыркнула и принялась ждать, когда же Чан Ли спросит, что та на самом деле хочет сказать. Но та лишь немного постояла на месте, затем развернулась и направилась к выходу. Чжун Минчжу рассердилась, хлопнула ладонью по столу и выкрикнула:

— Стой!

И тут же пожалела. Всё-таки Чан Ли — её будущий учитель. Вдруг разозлится и отлупит бамбуковой палкой?

В мирских школах учителя не церемонились с учениками, оставляя на ладонях следы от ударов.

К её удивлению, Чан Ли и вправду остановилась, обернулась и посмотрела на неё. На лице не дрогнул ни мускул, словно она ждала продолжения.

«Странная какая», — подумала Чжун Минчжу, нахмурившись, но тут вспомнила их встречу несколько лет назад, и глаза её заблестели. «А, вот оно что», — мелькнуло у неё в голове.

Тогда, во время их разговора, она задавала вопросы, а Чан Ли отвечала. Если же она молчала, та словно переставала её замечать.

«Неужели она практикует путь живого мертвеца?» — пронеслось в мыслях, и в тот же миг страх улетучился, а прежний гнев сменился любопытством.

Она тихо рассмеялась, расслабилась и откинулась на спинку стула.

— Учитель, не желаете ли присесть?

Чан Ли вспомнила, что Юнь И рассказывал ей о разных правилах, и поправила:

— Мы ещё не провели церемонию, потому я пока не твой учитель. — Затем добавила:

— Нет.

И не сделала ни шагу вперёд.

— О? Бессмертная Чан Ли передумала? — Чжун Минчжу почувствовала, как ёкнуло сердце. С таким трудом обустроила этот старый двор, а теперь её, что ли, бросят?

— Нет.

— А. — Чжун Минчжу почесала нос. Она всё ещё не могла полностью привыкнуть к манере речи Чан Ли, потому невольно искала в её словах скрытый смысл.

Будь на её месте кто-то другой, это, вероятно, звучало бы как предупреждение или упрёк, но Чан Ли говорила именно то, что думала. И её «нет» означало просто «нет», без намёка на пренебрежение или недовольство. Она уже дошла до входа и собиралась в главный зал, потому и не было смысла возвращаться.

«Интересная девушка. Даже интереснее, чем я думала», — подумала Чжун Минчжу и улыбнулась. Взмахнула рукой — и на столе появился ещё один комплект посуды.

— Слышала, для церемонии полагаются шесть даров учителю, но сейчас всё необходимое не сыскать. Может, вместо них примем эту скромную трапезу? Бессмертная Чан Ли, не соизволите ли вы принять сей ничтожный дар?

Чан Ли подумала и, видимо, решила, что слова её разумны, и согласилась.

На столе красовались миска супа из рыбы с лотосом, тарелка курицы с бамбуковыми побегами, тарелка бланшированных диких овощей, а на десерт — паровые лепёшки из корнеплодовой муки. Всё выглядело аппетитно и благоухало. Чжун Минчжу даже применила немного магии, чтобы сохранить еду тёплой.

Когда Чан Ли села, она из уважения первой налила ей миску супа и лишь затем принялась за еду сама.

<http://bllate.org/book/16292/1468323>